

ГЛАВА 1

Я находился в Сюррее по делам кабинета лорда Кромвеля, когда патрон срочно потребовал моего возвращения. Дело, порученное мне, было связано с передачей земель недавно упраздненного монастыря во владение некоему члену парламента, на чью поддержку лорд Кромвель рассчитывал. Однако же бумаги, подтверждающие право на владение лесными угодьями, куда-то исчезли. Впрочем, отыскать их не составило труда. Разрешив эту проблему, я принял приглашение члена парламента провести несколько дней в кругу его семьи. Я с радостью воспользовался возможностью немного отдохнуть и насладиться последними ясными днями осени, прежде чем вернуться в Лондон и вновь приступить к своим обязанностям. Кирпичный дом сэра Стивена отличался вместительностью и правильностью пропорций, и я предложил хозяину запечатлеть его особняк на бумаге. Предложение мое было принято с благодарностью, но, увы, к тому времени, как прибыл посланник, я успел сделать лишь несколько предварительных набросков.

Молодой гонец, привезший мне письмо, покинул Уайтхолл поздним вечером, провел в седле всю ночь и прибыл в имение сэра Стивена на рассвете. Едва взглянув на него, я узнал в нем одного из посыльных, которых лорд Кромвель использовал для особо важных поручений. Исполненный самых тревожных предчувствий, я взломал министерскую печать. В письме, подписанном секретарем Греем, говорилось, что лорд Кромвель требует моего немедленного прибытия в Вестминстер.

Еще совсем недавно перспектива встречи с патроном, достигшим столь головокружительных высот власти, ввергла бы меня в состояние величайшего беспокойства. Но в течение последнего года мною овладела какая-то странная апатия; иными словами, я изрядно утомился и от политики, и от судопроизводства, бесконечные людские хитрости и уловки нагоняли на меня скуку. Меня угнетало также, что имя лорда Кромвеля повсюду порождало страх — даже больше, чем имя короля. По слухам, даже толпы наглых и назойливых лондонских нищих пускались наутек при приближении его кареты. Нет, вовсе не о таком мире, погруженном в испуг и смятение, мечтали мы, молодые реформаторы, споря до хрипоты во время бесконечных обедов. Мы с Эразмом* искренне надеялись, что горячая вера и милосердие смогут преодолеть религиозные противоречия между людьми; но в начале зимы 1537 года дело дошло до мятежа, количество казненных росло с каждым днем, а земли уничтоженных монастырей служили причиной самых бурных раздоров.

Осень в тот год выдалась сухая, и дороги оставались в весьма приличном состоянии. Вследствие своего телесного изъяна я не способен к быстрой верховой езде, тем не менее до Саутуорка я добрался вскоре после полудня. Мой добрый старый конь Канцлер за месяц, проведенный в деревне, отвык от городского шума и запахов и теперь заметно тревожился; я всецело разделял его настроение. Проезжая по Лондонскому мосту, я потупил взгляд, дабы не видеть отрубленных голов казненных государственных изменников. Головы эти, выставленные на длинных шестах, представляли собой довольно тягостное зрелище. Над ними с пронзительными криками кружились чайки. Должен признать, я всегда отличался излишней чувствительностью, и даже охота на медведя не доставляла мне ни малейшего удовольствия.

* Эразм Роттердамский (1469–1536) — гуманист эпохи Возрождения; сыграл большую роль в подготовке Реформации, выступал против религиозного фанатизма.

На мосту, застроенном домами так тесно, что казалось, некоторые из них вот-вот свалятся в реку, по обыкновению во множестве толпились люди. Я заметил, что многие купцы носят траур по королеве Джейн, которая за две недели до того скончалась от родильной горячки. Лавочники зазывали покупателей, высунувшись из окон своих магазинов, расположенных на первых этажах. На верхних этажах женщины торопливо убрали вывешенное на просушку белье, ибо на западном краю неба показалось несколько темных дождевых туч. Соседки оживленно переговаривались громкими пронзительными голосами, и при моей склонности к язвительным сравнениям я нашел их весьма похожими на возбужденную стаю ворон.

Я тяжело вздохнул, вспомнив о своих обязанностях. Во многом благодаря покровительству лорда Кромвеля я в возрасте тридцати пяти лет располагал процветающей адвокатской практикой и имел прекрасный новый дом. Служить лорду Кромвелю означало служить великому делу реформы*; по крайней мере, до сей поры я неколебимо верил в это. По всей вероятности, дело, по которому патрон вызвал меня, отличалось особой важностью, так как обычно поручения передавались мне через Грея. Самого верховного секретаря и главного правителя — именно эти должности занимал ныне лорд Кромвель — я не видел уже более двух лет. Я крепче натянул поводья и направил Канцлера в толпу торговцев и путешественников, уличных воров и ловких проходимцев — иными словами, в огромный человеческий муравейник, именуемый Лондоном.

Проезжая Ладгейт-Хилл, я заметил прилавок, на котором лежали яблоки и груши. К тому времени я изрядно проголодался и потому, спешившись, купил немного фруктов. Стоя около Канцлера и скармливая ему яблоко, я увидел на

* Общественное движение в Европе XVI века, получившее название Реформации, было направлено против католической церкви; в частности, отрицались права церкви на владение земными богатствами.

другой стороне улицы, у таверны, толпу человек в тридцать, которые возбужденно переговаривались, явно чем-то взволнованные. Я предположил, что людей этих собрал вокруг себя какой-нибудь очередной помешанный, начитавшийся Библии и вообразивший себя пророком. Если так, то ему следовало остерегаться появления констебля.

В задних рядах толпы мелькнуло несколько хорошо одетых людей. В одном из них я узнал Уильяма Пеппера, адвоката Палаты перераспределения монастырского имущества. Рядом с ним стоял молодой человек в ярком камзоле с разрезами. Гадая о том, какая причина могла привести Пеппера на подобное сборище, я направил к толпе Канцлера, тщательно избегая сточных канав, заполненных нечистотами. Когда я приблизился, Пеппер обернулся в мою сторону.

— О, Шардлейк, неужели это вы? Где вы так долго пропадали, старина? За этот сезон вы ни разу не появились в суде. Честное слово, я уже начал по вас скучать! — Он указал на своего спутника и произнес: — Позвольте вам представить Джонатана Майнтлинга, недавнего выпускника корпорации адвокатов, ныне успешно практикующего в королевском суде. Джонатан, перед вами Мэтью Шардлейк, самый хитроумный горбун из всех, что когда-либо выступали в судах Англии.

Я поклонился молодому человеку, пропустив мимо ушей неделикатное упоминание Пеппера о моем увечье. Дело тут было отнюдь не только в его дурных манерах, и я прекрасно понимал это. Не так давно я выиграл у него довольно важный процесс, а адвокаты, как известно, остры на язык и никогда не упустят случая отомстить.

— Что здесь происходит? — осведомился я.

— Видите ли, старина, в этой таверне сейчас находится некая женщина, у которой есть некая чудесная птица, привезенная из Индий*, — со смехом объяснил Пеппер. — Го-

* То есть из испанских колоний в Америке.

ворят, эта птица болтает по-английски не хуже нас с вами. С минуты на минуту счастливая владелица должна выйти и показать нам свое сокровище.

Около таверны улица начинала идти под уклон, мы же стояли на возвышении, и, несмотря на свой невысокий рост, я имел возможность хорошо рассмотреть происходившее. В дверях таверны появилась старая толстая женщина в грязном поношенном платье. В руках она держала нечто вроде железного шеста с перекладиной, на которой сидела самая удивительная птица из всех, что мне доводилось когда-либо видеть. Размерами она превосходила самую крупную ворону, короткий толстый клюв ее кончался грозного вида крючком, а красное и золотистое оперение было настолько ярким, что на фоне уличной грязи едва не слепило глаза. Завидев диковину, толпа пришла в движение.

— А ну, отойдите! — резким пронзительным голосом закричала владелица птицы. — Я вынесла вам Табиту, как и обещала. Но если вы будете толкаться вокруг, она нипочем не станет разговаривать.

— Мы хотим послушать, как она говорит! — раздались голоса из толпы.

— Задарма она разговаривать не будет! — заявила старая карга. — А если каждый из вас даст Табите по фартингу, тогда она покажет вам, на что способна.

— Любопытно посмотреть, в чем тут хитрость, — насмешливо фыркнул Пеппер.

Тем не менее вместе со всеми остальными он бросил к подножию шеста медную монету. Старуха подобрала с грязной мостовой все монетки до единой и обратилась к птице.

— Ну, Табита, теперь можешь говорить, — разрешила она. — Скажи: «Храни Господь короля Гарри! Упокой Господи душу бедной королевы Джейн!»

Птица, судя по всему, не обратила на слова старухи ни малейшего внимания. Она по-прежнему переступала на своих чешуйчатых лапках и не сводила с толпы круглых стеклян-

ных глаз. Внезапно она раскрыла клюв и изрекла пронзительным голосом, поразительно напоминавшим голос хозяйки:

— Храни Господь короля Гарри! Упокой душу королевы Джейн!

Сказать, что собравшиеся были потрясены, означало не сказать ничего. Те, кто стоял в передних рядах, подались назад, многие осеяли себя крестным знамением. Пеппер озадаченно присвистнул.

— Что вы на это скажете, Шардлейк?

— Право, не знаю, — пожал я плечами. — Вероятно, здесь и в самом деле какая-то хитрость.

— Пусть скажет что-нибудь еще! — раздался в толпе голос какого-то смельчака. — Прикажи ей говорить!

— Табита, скажи: «Смерть Папе! Смерть римскому епископу!» — распорядилась старуха.

— Смерть Папе! Римский епископ! Храни Господь Короля Гарри! — завопила птица и расправила крылья, так что зеваки в тревоге затаили дыхание.

Я, однако же, сумел рассмотреть, что опасаться нечего: крылья были подрезаны, и диковинная птица не имела возможности улететь. Произнеся свою впечатляющую речь, птица принялась озабоченно чистить клювом перья у себя на груди.

— Приходите завтра к собору Святого Павла, еще не такое услышите! — воскликнула старая карга. — Расскажите всем, кого знаете, о Табите, говорящей птице из Индий. Мы с ней придем к собору ровнехонько в двенадцать. Да, вот такие птицы водятся в стране Перу. Там их тьма-тьмущая. И все они сидят в своих гнездах и разговаривают по-человечески.

С этими словами старуха, проворно подобрав с земли еще пару монет, схватила шест с отчаянно бьющей крыльями птицей и исчезла в дверях таверны.

Люди, возбужденно обмениваясь впечатлениями, начали расходиться. Я взял Канцлера под уздцы и двинулся шагом вдоль по улице. Пеппер и его молодой друг шли рядом.

Диво, которому Пеппер только что стал свидетелем, заставило его отказаться от обычного пренебрежительного тона.

— Я слышал уйму историй о чудесах, которые творятся в стране Перу, той, что завоевали испанцы! — в волнении восклицал он. — И я считал все это выдумками, которые не стоит принимать на веру! Но после того, что мы сейчас видели... О Пресвятая Дева!

— Не сомневаюсь, все это не более чем мошенничество, — невозмутимо заметил я. — Вы не обратили внимания на глаза этой птицы? Пустые, стеклянные глаза, без всякого проблеска ума! А помните, как она вдруг прекратила говорить и начала чистить перья? Существо, наделенное разумом, никогда так не поступит.

— Тем не менее птица разговаривала, сэр, — возразил Майнтлиг. — Мы слышали это собственными ушами.

— Но говорить можно, не понимая смысла слов. Думаю, птица просто повторяла слова старой ведьмы. Ведь и собака бежит к хозяину, когда он зовет ее. Кстати, мне доводилось слышать о говорящих сойках.

Оказавшись в конце улицы, мы остановились.

— Возможно, вы правы, Шардлейк, — усмехнулся Пеппер. — Ведь паства в церкви тоже тупо повторяет за священником латинские молитвы, не понимая ни слова.

В ответ я молча пожал плечами.

Подобное замечание относительно латинской мессы показалось мне излишне пренебрежительным, но сейчас у меня не было ни малейшего желания затевать спор на религиозные темы.

— Увы, я вынужден вас покинуть, — заявил я, отвесив поклон. — Мне назначен прием у лорда Кромвеля, в Вестминстере.

На молодого человека мое сообщение произвело сильное впечатление, да и на Пеппера тоже, хотя он приложил все усилия, чтобы это скрыть. С самой безразличной миной я вскарабкался в седло и пришпорил Канцлера. Адвокаты — это величайшие сплетники, которых Господь когда-либо посылал на эту грешную землю. Я понимал, что моей деловой ре-

путации отнюдь не повредит, если Пеппер растрезвонит повсюду о личной аудиенции, которой удостоил меня главный правитель. Эта отрадная мысль согревала мне душу, однако удовольствие мое вскоре было отравлено непогодой. Когда я проезжал по Флит-стрит, первые дождевые капли упали на пыльную дорогу, и вскоре дождь хлынул как из ведра. Порывы резкого ветра бросали холодные струи мне в лицо, однако я был вынужден продолжать путь, прикрыв голову капюшном дорожного плаща.

К тому времени как я добрался до Вестминстерского дворца, дождевые струи превратились в сплошные потоки. Улицы опустели, а с несколькими промокшими до нитки всадниками, попавшимися мне навстречу, мы обменялись сочувственными восклицаниями.

Несколько лет назад король оставил Вестминстер, перебравшись в великолепный новый дворец в Уайтхолле. В настоящее время Вестминстер использовался главным образом для заседаний различных судебных палат. Палата, в которой подвизался Пеппер, была основана сравнительно недавно и занималась перераспределением имущества малых монастырей, ликвидированных в минувшем году. Здесь же располагались конторы служащих лорда Кромвеля, численность которых в последнее время возросла неимоверно. Таким образом, Вестминстер являлся весьма оживленным местом.

Обычно во внутреннем дворе во множестве толпились облаченные в черное адвокаты, бурно обсуждавшие подробности недавних процессов. В укромных уголках государственные чиновники приглушенно спорили или строили свои бесконечные заговоры. Но сегодня дождь загнал всех под крышу, и двор был почти пуст. Лишь несколько бедно одетых, насквозь промокших людей понуро стояли у дверей Палаты перераспределения. То, несомненно, были монахи из уничтоженных монастырей. Как видно, они явились в суд, дабы испросить обещанного королевским актом направления в приходы. Чиновник, в обязанности которого входило отвечать на их запросы, отсутствовал — возможно, то был господин Майнт-

линг, встреченный мною у таверны. Внимание мое привлек пожилой человек с гордым и благородным лицом, в одеянии цистерцианского монаха. Капли дождя стекали с его капюшона. Появившись в монашеской одежде поблизости от кабинета лорда Кромвеля, старик рисковал навлечь на себя новые неприятности.

Бывшие монахи обычно имеют унылый и несчастный вид, но на лицах этих людей застыло выражение самого неизбежного отчаяния. Присмотревшись, я заметил, что взгляды их устремлены к двум большим повозкам, стоявшим у стены. Возчики, на чем свет стоит ругая дождь, заливавший им глаза, торопливо разгружали телеги. Поначалу мне показалось, что они складывают вдоль стен дрова, однако, когда Канцлер подошел поближе, я разглядел, что в телегах нечто иное — ларцы для мощей, распятия, покрытые богатой резьбой, деревянные и гипсовые статуи святых. Я понял, что это предметы церковной утвари, принадлежавшие монастырям, существованию которых реформа положила конец. Все эти реликвии, которым еще совсем недавно поклонялись, как величайшим святыням, ныне валялись под дождем, подобно грудам ненужного хлама. Я невольно содрогнулся, но, поборов неприятное чувство, холодно кивнул бывшим монахам и направил Канцлера в арку.

Поставив жеребца в стойло, я насухо вытерся полотенцем, которое подал мне конюх, и отправился во дворец. Стражник, которому я предъявил письмо лорда Кромвеля, провел меня сквозь лабиринт запутанных коридоров во внутренние покои дворца. Наконечник его начищенного до блеска копья сверкал подобно путеводной звезде.

Мой провожатый распахнул передо мной тяжелую дверь, по обеим сторонам которой застыли два других стражника, и я оказался в длинном, узком зале, ярко освещенном множеством свечей. Некогда в этом зале стоял огромный трапезный стол, но теперь помещение было сплошь заставлено конторками, за которыми озабоченные клерки разбирали кипы

бумаг. Старший из них, круглый коротышка с перемазанными в чернилах пальцами, бросился мне навстречу.

— Господин Шардлейк? Мы не ожидали вас так рано! — воскликнул он.

Поначалу я удивился тому, что коротышка, которого я ни разу в глаза не видел, сразу узнал меня. Но в следующее мгновение я сообразил, что его, должно быть, снабдили описанием моей персоны, а горбуна нетрудно отличить от прочих по одной-единственной примете.

— С утра стояла прекрасная погода, и я проделал путь достаточно быстро, — пояснил я. — Дождь разразился всего несколько минут назад, — счел я необходимым добавить, укаывая на свои насквозь промокшие штаны.

— Главный правитель приказал привести вас к нему, как только вы приедете, — заявил коротышка.

Вслед за ним я прошел через весь зал, мимо шелестящих бумагами клерков. Ветер, который мы подняли при ходьбе, заставлял мигать свечи. Только сейчас я начал понимать, какой плотной сетью моему патрону удалось оплести страну. И священники и представители местных магистратур имели собственных осведомителей, в обязанность которых входило передавать им все слухи, а также сообщать о малейших проявлениях недовольства, могущих привести к государственной измене. Каждый подобный случай расследовался по всей строгости закона, и наказания из года в год ужесточались. Перемены в церковной сфере уже повлекли за собой одно восстание; несомненно, новый мятеж мог потрясти страну до основания.

Коротышка остановился перед массивной дверью в конце зала. Постучав, он распахнул дверь и вошел.

— Господин Шардлейк, милорд, — провозгласил он с низким поклоном.

В противоположность залу, где работали клерки, кабинет лорда Кромвеля был погружен в полумрак. Лишь свет одного-единственного подсвечника, стоявшего на столе, разгонял по углам тени ненастного дня. Люди, занимающие высокое го-

сударственное положение, имеют обыкновение украшать стены своих кабинетов богатыми гобеленами, однако лорд Кромвель обходился без подобных изысков. Вдоль стен сплошь стояли высоченные шкафы с множеством ящичков, повсюду теснились письменные столы, заваленные сообщениями и докладами. В камине горело огромное полено, издававшее громкий треск.

В комнате было так темно, что поначалу я не разглядел лорда Кромвеля. Лишь когда глаза мои привыкли к сумраку, я различил очертания его приземистой фигуры. Лорд Кромвель стоял у стола в дальнем конце комнаты и, озабоченно нахмурившись, изучал содержимое какой-то шкатулки. Его большой тонкогубый рот изогнулся в пренебрежительной гримасе. Выражение лица патрона не предвещало ничего хорошего. Пожалуй, пришло мне на ум, посмей я чем-то вызвать его нерасположение, он может в любую минуту проглотить меня и даже не подавится. Но тут лорд Кромвель поднял голову, и выражение лица его мгновенно изменилось. Зная его не первый год, я успел привыкнуть к подобным стремительным переменам. На губах его заиграла любезная улыбка, а руку он вскинул в знак приветствия. Я отвесил поклон, такой низкий, на какой только был способен. После долгого пребывания в седле поясница у меня затекла, и я невольно поморщился.

— Входите, входите, Мэтью! — В зычном хрипловатом голосе патрона звучала искренняя радость. — Вы отлично справились с делами в Кройдоне. Я очень доволен, что клубок проблем, связанных с Черной Фермой, наконец распутан.

— Рад служить, милорд.

Приблизившись, я заметил, что на нем черный камзол — край его виднелся из-под отороченной мехом мантии. Лорд Кромвель поймал мой взгляд.

— Вы знаете, что королева отошла в лучший мир?

— Да, милорд. Эта печальная новость дошла до меня.

Мне было известно, что после казни Анны Болейн лорд Кромвель был очень близок с семейством Джейн Сеймур, которое в немалой степени способствовало его карьере.

— Король просто обезумел от горя,— пробурчал лорд Кромвель.

Я бросил взгляд на стол. К моему удивлению, он был заставлен шкатулками и ларцами различных форм и размеров. Насколько я мог судить, все они были сделаны из золота или серебра, многие украшены драгоценными камнями. Сквозь вставки из старого помутневшего стекла я разглядел, что внутри, на бархатных подушках, покоятся лоскутки истлевшей ткани и остатки костей. В том ларце, который лорд Кромвель по-прежнему держал в руках, находился череп ребенка. Главный правитель тряхнул шкатулку так, что череп лязгнул зубами. На лице лорда Кромвеля мелькнула угрюмая усмешка.

— Возможно, это вас заинтересует,— процедил он.— Сии священные реликвии привезли сюда, дабы я обратил на них особое внимание.

С этими словами лорд Кромвель поставил шкатулку на стол и указал на латинскую надпись, выведенную на ее крышке.

— Прочтите это,— распорядился он.

— *Barbara sanctissima*,— прочел я вслух и с интересом взглянул на череп, на макушке которого еще сохранилось несколько длинных волос.

— Итак, перед вами череп святой Варвары,— насмешливо изрек Кромвель, похлопав по крышке ларца.— Юной девственницы-христианки времен Римской империи. Если вы помните, она была убита собственным отцом-язычником. Да, эти святые мощи прибыли к нам из Клуниатского монастыря в Лидсе.

Лорд Кромвель взял в руки другую шкатулку, серебряную, украшенную крупными камнями, походившими на опалы.

— А вот еще одна святая Варвара,— сообщил он.— На этот раз из Боксгрувского женского монастыря в Ланкашире.— Он рассмеялся коротким хриплым смехом.— Говорят, в Индиях водятся двуглавые драконы. А в древние времена, судя по всему, водились двуглавые девицы.

— Господи Иисусе, — пробормотал я, не сводя глаз с черепов. — Хотел бы я знать, кому действительно принадлежали эти бранные останки.

Лорд Кромвель снова рассмеялся отрывистым, похожим на лай смехом и похлопал меня по плечу.

— Узнаю моего Мэтью, — заявил он. — Я знаю, дружище, что вы всегда смотрите в корень. Сейчас мне необходим ваш острый ум. Мой человек из Палаты перераспределения сообщил, что золотая шкатулка и в самом деле сделана во времена Римской империи. Тем не менее она будет отправлена на переплавку вместе со всеми остальными. Что касается черепов, их следует попросту выбросить. Люди не должны поклоняться костям.

— Здесь у вас собралась целая коллекция мощей, — заметил я и отошел к окну.

Дождь по-прежнему хлестал как из ведра, заливая двор, где возчики все еще выгружали церковную утварь из телег. Лорд Кромвель пересек комнату и встал у окна рядом со мной. Несмотря на то что титул пэра предписывал ему носить пурпур, костюм лорда Кромвеля мало чем отличался от моего. На нем была черная мантия и плоская черная шапочка — обычный наряд судейских и канцелярских чиновников. Правда, шапочка была сшита из бархата, а мантия оторочена мехом бобра. Я заметил также, что в длинных каштановых волосах лорда Кромвеля появились седые пряди.

— Это я распорядился привезти сюда весь этот хлам, — сообщил лорд Кромвель, указывая во двор. — Его необходимо как следует высушить. В следующий раз, когда мне придется сжечь изменника-паписта, я использую эти деревяшки вместо дров, — произнес он с угрюмой усмешкой. — Пусть люди увидят собственными глазами, что на костре из своих святынь еретики визжат так же громко, как и на костре из добрых сосновых поленьев. Пусть увидят, что Господь не собирается приходить на помощь изменникам. — Выражение лица его вновь стремительно изменилось и из зловещего стало озабоченным. — Садитесь же, Мэтью. У нас с вами много дел.

Он уселся за письменный стол и указал мне на стул, стоявший рядом.

Усаживаясь, я невольно поморщился от боли в спине.

— Вид у вас усталый, Мэтью, — заметил патрон, неотрывно глядя на меня своими большими карими глазами. Подобно его лицу, глаза эти беспрестанно меняли выражение и сейчас были холодны и спокойны.

— Да, дорога немного утомила меня, — кивнул я. — Пришлось много времени провести в седле.

Я окинул взглядом стол. Он был завален бумагами, на некоторых из них поблескивала королевская печать. Тут же стояло несколько маленьких золотых шкатулок, которые лорд Кромвель, как видно, использовал в качестве пресс-папье.

— Хорошо, что вам удалось отыскать документы на право владения лесами, — изрек лорд Кромвель. — Не сделай вы этого, рассмотрение дела в суде лорд-канцлера могло затянуться на многие годы.

— Бумаги спрятал у себя бывший казначей монастыря, — пояснил я. — Он взял их, когда монастырь был уничтожен. Несомненно, местные крестьяне хотели, чтобы леса были переданы в общественное пользование. Сэр Ричард подозревал, что бумаги захватил другой помещик, который тоже был не прочь завладеть лесами. Однако я решил для начала потрясти казначея — ведь он был последним, кто имел дело с этими документами.

— Прекрасно. Вы всегда отличались проницательностью, Мэтью.

— Я выследил его в деревенской церкви, где он служил приходским священником. Именно там он хранил документы. Он не долго отпирался и вскоре счел за благо отдать документы мне.

— Вне всякого сомнения, крестьяне заплатили этому пройдохе. Монахи падки на деньги. Вы передали его в руки правосудия, Мэтью?

— Уверен, никаких денег он не получал, — возразил я. — Скорее всего, он просто хотел помочь крестьянам. Земли там

бедные, и люди еле сводят концы с концами. Поэтому я решил, что лучше оставить дело без последствий.

Лорд Кромвель откинулся на спинку стула. У губ его залегла суровая складка, взгляд стал непроницаемым.

— Так или иначе, Мэтью, этот бывший монах совершил преступление, — процедил он. — В назидание всем прочим вам следовало отдать его под суд. Надеюсь, что впредь вы не будете проявлять излишней снисходительности. Времена сейчас такие, что мне не нужны мягкосердечные помощники, Мэтью. Мне нужны люди, не знающие жалости. — Внезапно глаза его вспыхнули гневом — нечто подобное я наблюдал лишь десять лет назад, во время первой встречи с лордом Кромвелем. — Нация пустоголовых и счастливых дикарей, бессмысленно внимающих слову Божьему, — это не просто «Утопия» Томаса Мора, не просто фантазия закоренелого еретика. Именно об этом мечтала наша разложившаяся, погрязшая в пороках Церковь.

— Да, да, я совершенно согласен с вами.

— Паписты не чураются даже самых грязных средств, чтобы не дать нам возможности построить воистину христианское государство. И клянусь кровью Господа нашего, я тоже готов бороться с ними любыми способами.

— Милорд, поверьте, мне очень жаль, если я совершил ошибку.

— До меня уже доходили слухи о вашем излишнем мягкосердечии, Мэтью, — произнес лорд Кромвель более спокойным тоном. — Я знаю, вы всегда строго блюдете закон. Но возможно, вам порой не хватает божественного огня и рвения.

Лорд Кромвель имел привычку время от времени прямо, не мигая, смотреть в глаза собеседнику, пока тот не почувствует себя побежденным и не опустит глаза. Через несколько секунд, робко подняв голову, злосчастный обнаруживал, что взгляд пронзительных карих глаз по-прежнему устремлен на него. Сейчас патрону вздумалось проделать подобный трюк со мной. Я ощущал, как сердце молотом колотится у меня в груди. Откуда лорду Кромвелю известно о моей апатии, о мо-

их сомнениях и растерянности? Ведь я так тщательно скрывал свои чувства и ни с кем не делился своими соображениями.

— Милорд, я был и остаюсь непримиримым врагом папизма, — заверил я.

Но стоило мне произнести эти слова, мысль о моих бесчисленных предшественниках, твердивших то же самое под этим неумолимым взглядом, о людях, чья верность реформе подвергалась сомнению, сжала мне сердце. Пронзительный укол страха заставил меня содрогнуться, и я несколько раз глубоко вздохнул, надеясь, что лорд Кромвель ничего не заметил. Выдержав томительную паузу, он кивнул.

— У меня есть для вас задание, Мэтью, — изрек он. — Задание, которое вполне отвечает вашим талантам и способностям. От того, как вы его выполните, во многом зависит будущее реформы.

Лорд Кромвель нагнулся, взял со стола маленькую шкатулку и открыл ее. Внутри, на украшенной изящной резьбой серебряной подставке, была укреплена склянка, наполненная каким-то красным порошком.

— Это кровь святого Пантелеймона, с которого язычники заживо содрали кожу, — вполголоса сообщил лорд Кромвель. — Ее доставили из Девона. Монахи утверждали, что ежегодно в день Святого Пантелеймона кровь снова становится жидкой. И каждый год сотни людей устремлялись в этот монастырь, чтобы своими глазами увидеть великое чудо. Паломники на коленях подползали к этой склянке и просили святого об исцелении от недугов. Но посмотрите, в чем тут фокус. — Он перевернул шкатулку. — Видите это маленькое отверстие сзади? В стене, около которой стоит шкатулка, тоже было сделано отверстие, и монах при помощи пипетки наполнял склянку подкрашенной водой. И в результате потрясенные люди становились свидетелями чуда.

— Мне уже приходилось слышать о подобных случаях мошенничества, — заметил я, внимательно рассматривая шкатулку. Я даже сунул палец в отверстие в задней стенке.

— Вся жизнь в монастырях проникнута обманом, — с пылом заявил лорд Кромвель. — Обманом, мошенничеством, стяжательством, идолопоклонничеством. Втайне все они по-прежнему хранят верность римскому епископу. — Он перевернул шкатулку, так что несколько крупинок красного порошка просыпалось из склянки на стол. — Монастыри — это язва на теле нашей страны, и я выжгу эту язву каленым железом.

— Да, начало этому положено. Малые монастыри уже уничтожены.

— Это всего лишь царапина на поверхности. Однако деньги, которые мы забрали у малых монастырей, разожгли аппетит короля. Теперь ему хочется поскорее добраться до больших, тех, что располагают значительными средствами. Подумать только, в стране две сотни монастырей, и им принадлежит шестая часть всех богатств Англии!

— Вы уверены, что это правда? Монастыри действительно так богаты?

Лорд Кромвель кивнул.

— В этом нет никаких сомнений. Но после мятежа, что вспыхнул прошлой зимой, когда две тысячи изменников потребовали восстановления монастырей, я предпочитаю действовать осторожно. Король заявил, что более не желает идти напролом, и он совершенно прав. И теперь, Мэтью, я хочу добиться, чтобы монастыри добровольно давали согласие на собственный роспуск.

— Но трудно представить, чтобы...

По губам лорда КромВЕЛЯ пробежала кривая ухмылка.

— Не спешите возражать, Мэтью. Как говорится, даже для того, чтобы убить свинью, существует несколько способов. А теперь прошу вас, слушайте внимательно. Я намерен поделиться с вами секретными сведениями.

Он наклонился ко мне и заговорил тихо, но внятно.

— Два года назад, когда проводилась инспекция монастырей, я требовал, чтобы все факты, свидетельствующие о падении нравов среди монахов, брались на учет. — Он кивнул

в сторону шкафов, стоявших вдоль стен. — Все эти сведения хранятся здесь. Описания случаев содомии, блуда, подстрекательства к измене. А также тайной продажи ценного монастырского имущества. В каждом монастыре у меня есть свои осведомители, и число их неуклонно растет. — Губы лорда Кромвеля вновь тронула угрюмая усмешка. — Мне пришлось казнить в Тайборне дюжину аббатов, и, должен сказать, я правильно выбрал для этого время. Церковники поняли, что мне лучше не перечить. Я сумел запугать их, заставил беспрекословно выполнять мои распоряжения.

И, усмехнувшись, он неожиданно подбросил шкатулку в воздух, поймал ее и опустил на стол между бумагами.

— Мне удалось убедить короля выбрать дюжину монастырей и подвергнуть их особенно сильному давлению, — продолжал лорд Кромвель. — В течение двух последних недель я послал в эти монастыри своих представителей с предложением добровольно дать согласие на роспуск. В этом случае всем монахам будет назначено денежное пособие, причем для аббатов — весьма значительное. В противном случае монастыри будут подвергнуты судебному преследованию. Так, монастырю в Льюисе будет предъявлено обвинение в подстрекательстве местных жителей к государственной измене. По поводу других мы тоже располагаем сведениями самого порочащего характера. Я не сомневаюсь, как только мне удастся добиться от нескольких монастырей добровольного согласия на роспуск, все прочие осознают, что игра проиграна, и предпочтут отказаться от сопротивления. Эмиссары были отправлены, и все шло именно так, как я рассчитывал. До вчерашнего дня. — Лорд Кромвель взял со стола какое-то распечатанное письмо. — Вы слышали о монастыре в Скарнси, Мэтью?

— Нет, милорд.

— В этом нет ничего удивительного. Так вот, это старинный бенедиктинский монастырь, расположенный на границе Кента и Сассекса. Что касается города, то это порт на берегу Ла-Манша, ныне пребывающий в полном запустении. Монастырь, подобно многим другим, издавна являлся при-

бежищем зла, порока и измены. Согласно сведениям, которые предоставил нам местный мировой судья, убежденный сторонник реформ, в последнее время аббат распродает монастырские земли по заниженным ценам. Я послал туда Робина Синглтона разобраться во всем этом деле.

— Я знаю Синглтона, — сообщил я. — Как-то раз мне пришлось выступить против него в суде. Он, бесспорно, человек весьма волевой и решительный. — Я помолчал несколько секунд и добавил: — Впрочем, опытным адвокатом его не назовешь.

— Для дела, которое я поручил ему, особой искусственности в судебных увертках не требовалось, — заявил лорд Кромвель. — Да, он, как вы выразились, человек волевой и решительный, и именно на эти качества я рассчитывал. Мы располагали лишь косвенными свидетельствами, и я надеялся, что Синглтон сумеет запугать монастырских пройдох, обойдясь без веских доказательств. Впрочем, в помощь ему я дал большого знатока канонического права, профессора Кембриджа и убежденного реформатора по имени Лоренс Гудхэпс.

Лорд Кромвель покопался в лежавших на столе бумагах и протянул мне письмо.

— Вот что я получил от Гудхэпса вчера утром.

Письмо было нацарапано торопливыми каракулями на листе бумаги, врыванном из бухгалтерской книги.

«Милорд!

Я пишу вам в спешке, намереваясь отправить это письмо с мальчиком из города, ибо я не питаю доверия ни к кому из обитателей монастыря. Господин Синглтон убит, причем самым изуверским способом. Этим утром его нашли на монастырской кухне, лежащим в луже крови с отрубленной головой. Несомненно, это злодеяние совершил кто-то из врагов вашей светлости. Впрочем, все монахи в один голос отрицают свою причастность к убийству. Той же ночью здешняя церковь была осквернена и хранившиеся там мощи Раскавшегося Вора с окровавленными гвоздями исчезли. Я сооб-

щил о случившемся мировому судье, и мы с ним внушили аббату необходимость хранить молчание. Мы опасаемся, что, если это печальное событие будет предано огласке, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Милорд, прошу вас, незамедлительно пришлите в монастырь своего представителя и сообщите, как мне следует поступить.

Лоренс Гудхэпс».

— Итак, ваш эмиссар убит?

— Похоже на то. Старик Гудхэпс, судя по всему, пребывает в полном смятении.

— Но если убийство совершил монах, подобное преступление лишь приблизит упразднение монастыря.

— Да, мы с вами понимаем это, но не убийца, — покачал головой Кромвель. — Полагаю, это злодеяние — дело рук фанатика, безумца, который ненавидит нас так сильно, что ненависть пересиливает страх. Но прежде всего меня волнуют последствия этого дела. Я уже объяснял, почему мне так важно добиться добровольного роспуска хотя бы нескольких монастырей. Необходимо, так сказать, прецедент. Английские законы и английские традиции основаны на прецеденте.

— Да, а здесь мы сталкиваемся с прецедентом совсем иного толка.

— Вы, как всегда, правы. Удар нанесен по власти короля. Старик Гудхэпс поступил совершенно правильно, приложив все усилия, чтобы замаять шум. Если эта история получит широкую огласку, все фанатики, которых, я уверен, в монастырях хватает с избытком, воспримут ее как руководство к действию.

— Королю известно о случившемся?

Кромвель вновь устремил на меня пронзительный взор.

— Если я сообщу об этом королю, избежать огласки нам никак не удастся, — медленно проговорил он. — Несомненно, король придет в ярость. Скорее всего, он пошлет в Скарнси солдат и прикажет вздернуть аббата на церковном шпиле. Та-

ким образом, весь мой план будет разрушен. Нет, это преступление необходимо раскрыть быстро и в обстановке полной секретности.

Я прекрасно понимал, куда клонит патрон. Спина моя отчаянно разболелась, вынуждая меня ерзать на стуле.

— Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в монастырь, Мэтью, — заявил лорд Кромвель. — В качестве главного правителя я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Вы имеете право отдавать любые приказы, получать доступ к любым документам.

— Осмелюсь заметить, милорд, возможно, подобное задание имеет смысл возложить на человека, лучше меня знающего монастырский обиход. Откровенно говоря, я никогда не имел официальных дел с монахами.

— Однако вы воспитывались в монастырской школе, Мэтью, и, следовательно, знаете монастырский обиход достаточно хорошо. Эмиссары, которых я обычно посылаю в монастыри, способны навести на монахов страх, но в данном случае требуется осмотрительность и осторожность. Я бы даже сказал, известная деликатность. Вы можете полностью доверять мировому судье Копингеру. Я никогда не встречал его лично, но, судя по письмам, он является убежденным сторонником реформ. Больше ни одна живая душа в городе не должна знать о случившемся. К счастью, покойный Синглтон не имел семьи, и, значит, скорбящие родственники не будут нам докучать.

— Какими сведениями об этом монастыре мы располагаем? — спросил я, подавив сокрушенный вздох.

Лорд Кромвель полистал огромную книгу. Я узнал одну из копий «Комперты», подробного отчета о ревизии монастырей, проведенной два года назад. Наиболее впечатляющие фрагменты этого отчета зачитывались на заседании парламента.

— Монастырь был возведен еще во времена древних норманнов, он владеет плодородными землями и прекрасными постройками. Ныне в нем проживает тридцать монахов и не

менее шестидесяти служек. Как это и положено у бенедиктинцев, они сами полностью обеспечивают собственные нужды. Согласно отчету посетившего монастырь эмиссара, церковь украшена с чрезмерной пышностью, вся заставлена гипсовыми статуями святых. В монастыре хранятся — то есть хранились — некие мощи, якобы принадлежавшие разбойнику, распятому рядом со Спасителем. Они представляют собой руку, прибитую гвоздями к куску дерева, который, по утверждениям монахов, является частью креста. Предполагается, что эта святыня исцеляет калек и увечных, и потому люди приходят издалека, дабы прикоснуться к мощам.

Произнеся последние слова, лорд Кромвель бросил невольный взгляд на мою скрюченную спину; должен признать, не он один поступал подобным образом при упоминании об увечных.

— Судя по письму Гудхэпса, именно эта реликвия пропала в ночь убийства Синглтона.

— Да. К тому же мой эмиссар выяснил, что монастырь в Скарнси является рассадником мужеложства. Впрочем, все эти святые обители на поверку оказались настоящими притонами содомитов. Бывший приор, осквернивший себя подобным грехом, был, разумеется, смещен. Согласно новому законодательству содомия карается смертной казнью. Кстати, это дает нам дополнительные возможности воздействия на монахов. Я рассчитывал, что Синглтон не только расследует дело с продажей земли, о котором мне писал Копингер, но и проверит, сумели ли монахи обуздать свои похоти.

Все, что я услышал от патрона, заставило меня погрузиться в раздумья.

— Ситуация, насколько я понимаю, чрезвычайно запутанная, — заметил я наконец.

— Именно так, — кивнул лорд Кромвель. — Поэтому я намерен послать в монастырь не просто преданного человека, но человека, наделенного острым и проницательным умом, — такого, как вы, Мэтью. Я уже распорядился отправить к вам домой бумаги, подтверждающие ваши полномочия, а также

копии соответствующих глав «Комперты». Завтра вам предстоит тронуться в путь. Письмо Гудхэпса было написано три дня назад, а для того, чтобы добраться до места, вам потребуется еще три дня. В это время года дороги превращаются в болота.

— До сегодняшнего дня осень стояла на редкость сухая, и дороги, насколько я мог судить, пребывают не в столь уж плачевном состоянии. Полагаю, я сумею добраться до монастыря за два дня.

— Превосходно. Слуг с собой не берите. О том, куда направляетесь, не говорите никому, кроме вашего подопечного, Марка Поэра. Он по-прежнему живет с вами под одной крышей?

— Да. Когда мне случается уехать из Лондона, он ведет мои дела.

— Мне бы хотелось, чтобы он сопровождал вас в предстоящей поездке. Я слышал, что этот малый отличается умом и сметливостью. И в любом случае неплохо, если на вашей стороне будет лишняя пара крепких рук.

— Но, милорд, возможно, мое расследование будет сопряжено с опасностью. К тому же, говоря откровенно, Марк не отличается особым религиозным рвением и не разбирается во всех этих вопросах, связанных с монастырями и папизмом.

— Ему вовсе ни к чему в них разбираться. Главное, чтобы он сохранял верность короне и выполнял все ваши поручения. А если ваше расследование увенчается успехом, это поможет молодому господину Поэру вновь поступить на службу в Палату перераспределения. О скандале, который разразился по его милости, тогда можно будет забыть.

— Марк вел себя на редкость глупо, милорд. Ему следовало знать, что для человека его сословия любовь к дочери рыцаря — непростительная дерзость. — Я глубоко вздохнул. — Но он еще так молод.

— Если бы о его проступке стало известно королю, то, можете не сомневаться, он приказал бы высечь вашего Марка

кнутом, — проворчал лорд Кромвель. — Кстати, по отношению к вам ваш протеже проявил черную неблагодарность. Ведь это вы устроили его на службу в Палату.

— Я считал своим долгом помочь ему, милорд. Чем-то вроде семейного обязательства.

— Так или иначе, если во время вашей совместной поездки он проявит себя с лучшей стороны, я попрошу Рича вновь сделать его клерком, то есть взять на то самое место, которое я подыскал ему по вашей просьбе, — любезно произнес лорд Кромвель.

— Я вам глубоко признателен, милорд.

— Мне пора отправляться в Хамптон, Мэтью. Я должен попытаться уговорить короля пересилить скорбь и вновь приступить к государственным делам. Помните, расследование необходимо проводить в обстановке строжайшей секретности. Ни одно слово, ни одно письмо не должно проникнуть за пределы монастыря.

С этими словами лорд Кромвель поднялся и, обойдя вокруг стола, положил руку мне на плечо. Все его приближенные знали, что этот жест является знаком особого расположения.

— Уверен, вы быстро отыщете преступника и, главное, сумеете избежать огласки, — с улыбкой произнес он.

Пошарив на столе между бумагами, он вручил мне крохотную золотую шкатулку. Сквозь стеклянную крышку я рассмотрел еще одну склянку, в которой плескалось несколько капель мутной жидкости.

— Что вы об этом думаете, Мэтью? — осведомился лорд Кромвель. — Может, вы способны определить, из чего это сделано? Лично я не в состоянии.

— Что это?

— Реликвия, в течение ста лет хранившаяся в Билстонском женском монастыре. Считалось, что это молоко Пресвятой Девы.

Я вскрикнул от отвращения, и Кромвель расхохотался.

— Меня удивляет, как они себе представляли процесс получения этого молока от Девы Марии. Но взгляните: оно, по-

видимому, помещено туда совсем недавно, иначе как бы оно оставалось в жидком состоянии? Я ожидал, что в задней стене у этой шкатулки тоже есть отверстие, как у той, с кровью святого Пантелеймона. Ан нет, ничего подобного я не обнаружил. Шкатулка сделана так, что открыть ее нельзя. Посмотрите сами. Вот, возьмите это, — и он протянул мне увеличительное стекло, которое обычно используют ювелиры.

Я тщательно осмотрел шкатулку со всех сторон, но не нашел даже мельчайшего отверстия. Напрасно я вертел в руках крошечный золотой ящичек — мне не удалось нащупать потайное устройство, при помощи которого шкатулку можно открыть.

— Загадочная вещица, — признал я, возвращая шкатулку лорду Кромвелю. — Похоже, открыть ее действительно невозможно.

— Очень жаль, — вздохнул он. — Я хотел показать эту вещицу королю. Возможно, это позабавило бы его.

Он проводил меня до дверей и распахнул их, не снимая руки с моего плеча. Все клерки, работавшие в просторном зале, видели, какая милость мне оказана. Но тут взгляд мой упал на два черепа, стоявшие в углу зала. Зубы их насмешливо скалились, в пустых глазницах играли отсветы свечей. По телу моему пробежала невольная дрожь. Отчаянным усилием я попытался сдержать ее, ибо патрон, по-прежнему обнимавший меня за плечи, мог ощутить, что со мной что-то неладно.